

*Элина Борисовна Гальцева**

Россия

ДНЕВНИКИ ЕЛЕНА БУЛГАКОВОЙ 1933–1940: ИСТОРИЯ И СУДЬБА ТЕКСТА, ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Изучать русскую литературу XX века нелегко. Ненадежность текстов – одна из многих трудностей, встречающаяся на пути исследователя. Это касается и наследия М. А. Булгакова. Активно издававшиеся с начала 60-х годов прошлого века произведения полужабытого писателя в условиях советской цензуры искажались, сокращались, изменялись по воле издателей и редакторов. Цензурные и редакторские купюры компенсировались возможностью встречи с очередным, еще неизвестным произведением в одночасье полубившегося автора. Оценить литературный талант не мешали ни ошибки в текстах, ни бесконечные изъяты из них.

Отмена цензурных и идеологических ограничений в конце 1980-х – начале 1990-х годов не изменила ситуации с достоверностью текстов произведений Булгакова. Работа по критической проверке и установлению основных текстов так и не стала отправной точкой в развитии изучения наследия писателя. Тем временем шла многократная массовая перепечатка пользующегося популярностью автора с огромным количеством

* Соискатель кафедры прикладной лингвистики и образовательных технологий в филологии Московского городского педагогического университета.

повторяющихся ошибок. Образцом же по сей день считается известный пятитомник издательства «Художественная литература» двадцатилетней давности. На него и сейчас ссылаются большинство исследователей творчества писателя.

Факты и свидетельства жизни и творческой биографии М. А. Булгакова, так же как и его произведения, не сразу стали известны и исследователям, и читателям. Дневники писателя появились в печати только в 1990 году в журнале «Театр» (№ 2). В этом же году были изданы дневники его третьей жены – Елены Сергеевны Булгаковой. Оставив дневник писателя и его историю, обратимся к записям Елены Сергеевны, являющимся важнейшим источником для изучения биографии писателя, его творчества, но при этом практически неисследованным.

И первая жена Булгакова Т. Н. Лаппа, и вторая – Л. Е. Белозерская оставили о нем свои воспоминания. Но дневники Елены Сергеевны имеют особый статус, прежде всего потому, что велись они по просьбе самого Булгакова. Елена Сергеевна всегда понимала важность дела жизни своего мужа и всеми силами помогала ему в литературном труде. С самого начала совместной жизни она не только взяла на себя все деловые и финансовые вопросы, но и заботу о сохранении рукописей и других свидетельств жизни и творчества Булгакова: помогала в собирании и хранении его архива, к чему сам Михаил Афанасьевич относился очень серьезно, с докторской скрупулезностью. Дневник, по сути, был частью этой деятельности.

Михаил Афанасьевич Булгаков и Елена Сергеевна Шиловская заключили брак 4 октября 1932 года. 1 сентября 1933 года Елена Сергеевна начала вести дневник с разной интенсивностью и перерывами до смерти в 1970 году. Особенно важным для исследователей является описание фактов литературной работы Михаила Афанасьевича, его оценок и суждений о некоторых событиях общественной и культурной жизни. Много записей в дневнике посвящено его встречам с друзьями, коллегами по литературному труду, по театральной работе. Часто Елена Сергеевна размышляла в своих дневниках и о судьбе творчества мужа.

Обычно интерес вызывают записи до 1940 года, то есть до смерти писателя. Но и в последующие тридцать лет жизни Елена Сергеевна не раз обращалась к написанию дневника. Несомненно, история сохранения и явления читателю булгаковского наследия во многом удивительна, значительна и не менее интересна, чем его прижизненная творческая биография. Именно поэтому дневниковые и мемуарные записи Елены Сергеевны, относящиеся к периоду 1940–1970 годов, важны для наибо-

лее полного понимания места творчества Булгакова в истории литературы XX века.

После смерти писателя, пройдя через попытку связать жизнь с другим человеком, через эвакуацию в Среднюю Азию в начале Великой Отечественной войны, она вернулась в Москву с осознанием своего места, своего дела. Вот что Елена Сергеевна пишет в одном из писем в Ташкент после возвращения домой в 1943 году:

В Москве, конечно, шумно, беспокойно, всегда есть масса каких-то дел, встреч, устройств и т. д. Я-то лично очень счастлива здесь, и вот почему: здесь я знаю, что я Булгакова [...], здесь у меня есть много друзей, здесь мой дом, мои – дорогие для меня – памятные книги, архив, рукописи, вещи, вся атмосфера жизни, без которой мне было очень тяжело в Ташкенте и которая меня поддерживает в Москве. Сейчас я погрузилась целиком в прошлое, я сижу часами над чтением тетрадей, писем, рассматриванием альбомов. Я – дома. Я не боюсь ничего.

Пока я еще не работаю, но веду переговоры о службе и думаю, что скоро поступлю на работу. Но мне хочется получить такую, чтобы иметь время на приведение в порядок моих тетрадей, Мишиного архива и вообще всего в квартире¹.

Известно, что после смерти Булгакова Елена Сергеевна не оставляла надежды на скорую публикацию его произведений и всего, что связано с его биографией и творчеством:

После всего тяжкого горя, выпавшего на мою долю, я осталась цела только потому, что верю в то, что Миша будет оценен по заслугам и займет свое, принадлежащее ему по праву место в русской литературе².

На самом же деле история возвращения к читателю растянулась на многие десятилетия. Елена Сергеевна все эти годы работала с архивом писателя: перепечатывала его произведения, приводила в порядок записи и документы, готовила их к публикации. В одном из писем к Николаю Афанасьевичу Булгакову она сообщала:

Я собираю все, что могу. Архив, как сказал великий специалист этого дела, покойный профессор Борис Викторович Томашевский, посмотрев у меня на квартире архив – «цены не имеет!»³.

¹ Цитируется по книге Н. Громовой, *Все в чужое глядят окно*, Москва 2002, с. 247.

² Е. Булгакова, *Из писем к Николаю Афанасьевичу Булгакову*, в кн.: она же, *Дневник*, Москва 1990, с. 320.

³ Там же, с. 319.

В 1950 году Елена Сергеевна начала просматривать свои дневники. Судя по пометкам в тетрадах, начало работы можно отнести к июню этого года. Текст дневников был довольно сильно сокращен. При редактировании некоторые дни, описанные Еленой Сергеевной, исчезли из него вовсе, были изъяты целые страницы текста. Правка коснулась и многих эмоциональных высказываний, и характеристик людей и отношений, и оценок литературных, театральных и музыкальных произведений. По слоям правки заметно, что автор ищет стиль редактирования, границы материала, который будет представлен читателям. Правка в основном представляет собой размашистые, порывистые, многократные зачеркивания. При этом практически весь текст, исключенный таким образом Еленой Сергеевной из дневника, свободно читается, в некоторых же тетрадах отдельные слова, части страниц и целые листы вырезаны ножницами. По ходу редактирования в тексте появлялись небольшие карандашные вставки, а затем тетрадь переписывалась начисто. Так появились 4 тетради новой редакции. Текст последних двух тетрадей первой редакции исправлен, но не переписан. Возникла новая редакция дневников из четырех переписанных и двух исправленных тетрадей.

После смерти Елены Сергеевны в 1970 году Сергей Шиловский, ее сын, передал в Отдел рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина дневники и оставшуюся часть ее архива. Все эти материалы вошли в состав фонда М. А. Булгакова, стали его неотъемлемой частью. В 1976 году М. Чудакова в статье *Архив М. А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя* дает этой части архива следующую характеристику:

Источниковедческое значение этой части фонда писателя весьма велико и во многом обусловлено личными качествами Е. С. Булгаковой, определившими направление ее деятельности и тем самым – состав и характер ее архива и степень сохранности архива писателя⁴.

Вот какие материалы автор относит к «дневниковому комплексу» личного архива Елены Сергеевны:

- 8 толстых тетрадей, охватывающих период с 1 сентября 1933 по 19 февраля 1940 года;
- 3 тетради повседневных записей о болезни Булгакова – октябрь 1939 – март 1940 и телефонные звонки и визиты к больному;
- тетрадь с описанием первых дней после смерти писателя (панихиды с перечнем выступавших, кремации);

⁴ М. Чудакова, *Архив М. А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя*, «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 37, Москва 1976, с. 148.

- 2 тетради с наклеенными в хронологическом порядке врачебными заключениями, назначениями, рецептами, анализами.

М. Чудакова пишет и о существовании второго, исправленного по прошествии лет текста, делая важное замечание для будущих исследователей:

Новая редакция дневника должна быть осознана как источник более позднего происхождения, тяготеющий по своему характеру к мемуарам; она не может, по вышеуказанным ее свойствам, быть использована вне корректирующего сопоставления с подлинным дневником...⁵

Здесь же исследователь пишет о том, что первой тетрадью подлинного дневника архив не располагает, и поэтому две первые переписанные тетради включены ею в упомянутые ранее 8 тетрадей дневника. Таким образом, записи с 1 сентября 1933 по 4 декабря 1934 года имеются только в новой, сокращенной редакции.

Дневник Елены Булгаковой, изданный в 1990 году в серии «Из рукописного наследия» (составление, текстологическая подготовка, комментарии Виктора Лосева и Лидии Яновской), в краткой аннотации рекомендуется литературоведам, историкам литературы, широкому кругу читателей. Что же представляет собой этот документ?

Из вступительной статьи Лидии Яновской мы узнаем, что при осуществлении работы над этим изданием его составители остановились на поздней редакции дневников как на единственно возможной к публикации. Вот какие аргументы приводит автор статьи, чтобы обосновать такой выбор:

Вторая редакция сохранилась полностью⁶.

Впервые готовя к изданию *Дневники Е. С. Булгаковой*, составители остановились на их второй редакции – выражающей последнюю волю автора и вместе с тем – единственной полной⁷.

Таким образом, читатели и исследователи творчества М. А. Булгакова были лишены возможности познакомиться именно с дневником Е. С. Булгаковой. По воле публикаторов из текстов со сложной историей и структурой выбран, увидел свет и получил распространение как дневник Е. С. Булгаковой документ, не имеющий полного права выступать в этом качестве.

⁵ Там же, с. 150.

⁶ Л. Яновская, *Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания*, в кн.: *Дневник Елены Булгаковой*, Москва 1990, с. 7.

⁷ Там же.

Дневник, представленный в этом издании, неоднократно перепечатывался позднее, например, в книге издательства «Вагриус» *Дневник Мастера и Маргариты* под редакцией Виктора Лосева, получившей широкую известность и популярность (под одной обложкой читателю были предложены дневники как самого писателя, так и Елены Сергеевны). Вот цитата из вступительной статьи В. Лосева к данной публикации:

Свои дневники Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна Булгаковы создавали в такие трудные годы, когда осторожные люди вообще старались не документировать происходящие события, а тем более свою личную жизнь. Теперь очевидно, что эти дневниковые записи [...] стали в совокупности выдающимся свидетельством эпохи⁸.

Возникает вопрос: о какой именно эпохе свидетельствует опубликованная версия дневников Елены Сергеевны с текстовыми вставками и сокращениями, сделанными почти через двадцать лет после написания основного текста?

Далее автор вступительной статьи пишет собственно об истории текстов дневников и их публикаций. Здесь нельзя не обратить внимание на различие в подходах к оценке публикаций текста дневника М. А. Булгакова и дневника Елены Сергеевны. В. Лосев сетует на большое количество ошибок и купюр в первых изданиях дневника писателя. Что же касается дневников Е. С. Булгаковой, то, по мнению публикатора, «изменения и уточнения она вносила лишь там, где просматривались неясности или неудачные формулировки, суть же написанного (за редким исключением) не изменялась»⁹. В этом можно усомниться, обратившись, например, к первой из сохранившихся тетрадей полной редакции дневника (НИОР ФГУ РГБ, фонд 562, картон 28, ед. 24). Записи охватывают период с 5 декабря 1934 по 28 января 1936 года – чуть больше года. При изучении документа можно констатировать, что из текста этой тетради полностью исключены записи за 13 декабря 1934, 25 января, 12 и 18 апреля, 21 мая и 2 ноября 1935 года. Такие купюры никак нельзя назвать уточнениями и изменениями формулировок, хотя они также имели место в процессе редактирования дневника.

Таким образом, в научный оборот был введен документ, который по сути не является дневником. Это памятник, приближенный к мемуарам и относящийся к другому периоду жизни Елены Сергеевны Булгаковой

⁸ В. Лосев, «Бессмертье – тихий светлый берег...», в кн.: М. и Е. Булгаковы, *Дневник Мастера и Маргариты*, Москва 2001, с. 10.

⁹ Там же, с. 13.

– времени сохранения и явления читателю наследия М. А. Булгакова. Так обесценивается важнейший для исследователей материал, которому ошибочно или по недоразумению был придан другой статус.

В 1996 году была сделана попытка напомнить о существовании другого текста дневника Елены Сергеевны, отличного от уже широко распространенного. В статье *Осведомители в доме Булгакова в середине 1930-х годов* М. Чудакова вступила в полемику с составителями издания 1990 года, напомнив, что

[...] к дневнику – в отличие, скажем, от мемуаров – не может быть применено понятие «последней воли». Дневниковая запись становится законченным документом в тот день, которым она датирована. [...] в научный оборот введен источник, который уже широко используется без поправки на его происхождение (и без учета его характеристики, данной в нашей работе 1976 года, где мы предостерегали от такого именно его использования)¹⁰.

Такое положение вещей и с текстами писателя, и с дневником Е. С. Булгаковой (конечно же, существуют и другие причины!) приводит к снижению уровня знания о жизни М. А. Булгакова, о его ближайшем окружении, о его творчестве и эпохе, и, как следствие, к бесконечному созданию и бытованию мифов о писателе. Именно поэтому необходимым является исследование, направленное на выявление двух разных текстов – дневника и воспоминаний – и их научного издания. Исследователям необходимо, а читателям полезно иметь оба текста, которые представляют неоспоримую научную источниковедческую ценность. На наш взгляд, тексты дневника и мемуаров уже не могут существовать друг без друга, не дополняя и не проясняя друг друга. Дневник является источником изучения фактов и событий, зафиксированных автором сразу или через небольшой временной промежуток. Мемуары дают нам возможность хотя бы частично восстановить содержание утраченной первой тетради дневника (записи с 1 сентября 1933 года по 4 декабря 1934 года). Вставки воспоминаний в отредактированном тексте – богатый дополнительный материал для изучения биографии и творчества писателя. Работа Е. С. Булгаковой над дневником, создание на его основе воспоминаний дает обширный материал для понимания ее деятельности по популяризации творчества М. А. Булгакова, усилий по продвижению публикации его произведений. Возможно, после того, как большинство поставленных ею задач было выполнено, пришло понимание значимости, ценно-

¹⁰ М. Чудакова, *Осведомители в доме М. А. Булгакова в середине 1930-х годов*, в кн.: *Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения*, Рига 1995–1996, с. 393.

сти обоих текстов как материалов для изучения творческой биографии писателя, что и заставило ее сохранить «обе редакции дневника, с которыми Е. С. Булгакова знакомила исследователей»¹¹. Если бы она считала дневник совершенно неприемлемым для изучения и публикации, то у нее, несомненно, была возможность его уничтожить.

Сопоставительный анализ дневника и мемуаров является предметом нашего дальнейшего исследования.

По словам близких друзей писателя, Булгакова очень волновала его «посмертная биография». Он часто думал, говорил и даже писал об этом. XX век, насыщенный политическими и социальными потрясениями и, главное, потрясениями духа, приведшими к нескончаемым войнам, разделением, расколам и разрушению вокруг и внутри человека, не мог не оставить следа на судьбе булгаковского наследия. История его еще не закончена. Иначе это была бы печальная история.

¹¹ М. Чудакова, *Архив М. А. Булгакова...*, с. 150.